

Глава 35

— Ублюдок.

Линь Цзао точил ножи.

— Настоящий ублюдок.

Линь Цзао с силой распахнул морозильник.

— Фу Чэн — большой ублюдок!

Линь Цзао, схватив обеими руками нож, высоко замахнулся и с силой опустил его.

БАМ! — от оглушительного удара содрогнулся весь дом!

Стоявший рядом Линь Сяобао, зажав уши руками, пролепетал:

— Папа...

Фу Чэн в кладовке на первом этаже тоже невольно нахмурился:

— Сяо Цзао...

Линь Цзао одной рукой держал нож, а другой схватил отрезанную им верхушку белой редьки и выбросил в мусорное ведро.

Он слегка вздернул подбородок и с вызовом спросил:

— Что такое?

— Слишком громко, — Линь Сяобао подбежал и обнял ногу отца. — Я испугался, чуть в обморок не упал.

— Ладно, — надул щёки Линь Цзао. — Тогда папа будет потише.

— Угу, угу, угу, — энергично закивал Линь Сяобао. — Или... папа может пойти резать редьку к двери большого папы.

— А кто сказал, что я злюсь на большого папу?

— Папа сам сказал.

Линь Сяобао выпрямился, поправил воротничок, кашлянул, как взрослый, топнул ногой и принялся изображать, как папа ругает большого папу:

— «Красный дан! Большой красный дан!»

— Ещё скажи «красная фасоль, большая красная фасоль».

Линь Цзао протянул ему обезглавленную редьку, а сам взял нож, разделочную доску и корзину с овощами.

— Пойдём, будем внизу редьку чистить.

— Ура! Снова можно будет посмотреть на щенка!

Отец и сын, взяв всё необходимое, спустились на первый этаж.

Только что Фу Чэн внезапно взбесился и погнался за Линь Цзао, чтобы укусить.

Линь Цзао с трудом вырвался и, обнаружив, что его одежда порвана, на запястье синяк, а тело болит, запер дверь кладовки и пошёл наверх переодеваться.

Переодеваясь, он мельком взглянул и, конечно же, обнаружил на талии синяк.

Это был не ушиб от падения, а отпечаток руки Фу Чэна.

Линь Цзао был в ярости!

Поэтому он решил вместо супа с женьшенем, который собирался сегодня приготовить для Фу Чэна, чтобы тот поправился, сварить суп из редьки со свиными рёбрышками!

Он и Сяобао будут есть рёбрышки, а Фу Чэн — редьку...

Нет, Фу Чэн и редьки не получит!

Линь Сяобао принёс скамеечку, Линь Цзао разложил всё необходимое и, усевшись перед

дверью кладовки, принялся готовить.

В морозилке ещё было много свиных костей, Линь Цзао заранее достал их, чтобы они оттаяли.

Белую редьку тоже принёс Фу Чэн, целый мешок. Если её не съесть, она станет пустой.

Линь Цзао выбрал несколько ещё приличных на вид, отрезал верхушки, почистил и нарезал крупными кубиками.

Бам-бам-бам...

Ш-ш-ш...

Фу Чэн, стоя в кладовке, вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Он снова провинился, снова разозлил Сяо Цзао.

Сяо Цзао, нарезав редьку, придёт резать его.

Фу Чэн подошёл к двери и, опустив голову, прислонился к ней лбом.

— Хр-р-р, хр-р-р...

Сяо Цзао, Сяо Цзао, вызываю Сяо Цзао.

Я понял, что был неправ, не сердись.

Линь Цзао, стоя к нему спиной, на мгновение замер, но продолжил резать овощи.

Не слышу, не слышу! Не прощу!

Больше не обманусь твоей притворной покорностью! Больше не позволю себя ранить!

Линь Цзао твёрдо решил не обращать на него внимания, но Фу Чэн, виляя воображаемым хвостом, настойчиво урчал.

— Сяо Цзао, Сяо Цзао, Сяо Цзао...

— Уйди, уйди, уйди...

— Поговори со мной, поговори...

— Не буду, не буду...

Папа и большой папа такие дети.

Линь Сяобао, присев на корточки у щенячьей лежанки, с выражением вселенской усталости на лице вздохнул.

Эх, он даже в детском саду так себя не ведёт.

Он повернулся и посмотрел на щенка.

Щенок, напившись каши, снова спал на солнышке.

Он всё время спит и не хочет с ним играть.

Линь Сяобао тихонько протянул палец и ткнул щенка в ухо.

Мягкое, тёплое.

Щенок, кажется, почувствовал, мотнул головой и тихонько заскулил.

Линь Сяобао, почувствовав себя виноватым, тут же отдернул руку и уставился на него.

Щенок не проснулся и вскоре снова заснул.

И хорошо, и плохо.

Линь Сяобао надул губы, встал и, переваливаясь на коротких ножках, подбежал к Линь Цзао.

Он бежал вразвалочку, как маленький щенок.

— Папа.

— Что такое? — Линь Цзао положил нарезанную редьку в миску.

— Давай придумаем щенку имя.

— Давай, — ласково ответил Линь Цзао. — Ты уже придумал?

— Ещё нет.

Линь Сяобао присел перед отцом, подпёр щёки руками и серьёзно задумался.

— Я думаю, сначала нужно дать ему фамилию.

— Моя фамилия Линь, и у папы тоже Линь, папа носит мою фамилию.

— А? — недоверчиво поднял голову Линь Цзао. — Я ношу твою фамилию?

— Да, — с вызовом ответил Линь Сяобао. — Поэтому и он должен носить фамилию своего папы или мамы. А какая у них фамилия?

— Папа не знает. Папа знает только, что его маму звали Сяо Хэй.

— Тогда его фамилия Сяо.

— М-м, — кивнул Линь Цзао. — Логично.

— Тогда назовём его Сяо Бай! Он же беленький, он Сяо Бай.

— У него ещё не выросла настоящая шерсть, это пока только пух. Нужно подождать несколько дней, чтобы узнать, какого он на самом деле цвета.

— Вот как, — задумался Линь Сяобао. — Тогда пока решено, его зовут Малыш Что-за-цвет.

— Хорошо.

Линь Сяобао то смотрел на папу, то подбегал посмотреть на щенка.

Бегал туда-сюда, очень занятой.

Вскоре Линь Сяобао, словно что-то вспомнив, снова прибежал обратно.

— Папа, папа, я раскрыл большую тайну!

— И какую же?

— У большого папы и у нас разные фамилии!

— Вот как? — нарочито удивился Линь Цзао.

— Да, да, у нас фамилия Линь, а у большого папы — Фу! Мы же одна семья, папа носит мою фамилию, почему большой папа не носит?

Точно!

Фу Чэн тоже подумал, что это логично, и наострил уши.

Почему так?

Почему этот ребёнок носит фамилию Сяо Цзао, а он — нет?

Это несправедливо!

Линь Сяобао, нахмурившись, спросил:

— Папа — мой родной, а большой папа — нет, правильно?

Он даже понизил голос, чтобы большой папа не услышал.

Очень предусмотрительно.

— А? — Линь Цзао был ещё больше шокирован, его глаза расширились. — Большой папа, конечно, тебе не родной, ты — родной большому папе! Мы с большим папой сначала встречались, потом поженились, и только потом появился ты!

Линь Сяобао загибал пальцы, но всё равно не мог понять:

— Тогда почему большой папа...

— Если бы у нас была одна фамилия, мы с большим папой не смогли бы пожениться.

Линь Сяобао с сомнением посмотрел на него:

— Правда?

— Конечно, правда, это правило установили очень-очень древние предки.

— Тогда почему автомастерская большого папы называется «Автомастерская Сяо Линь»?

Линь Сяобао был ещё больше сбит с толку.

— Она должна называться «Автомастерская Сяо Фу».

— Это потому, — объяснил Линь Цзао, — что когда мы женились, большой папа пообещал мне, что всё в доме будет моим и будет носить мою фамилию. И тот пикап за твоей спиной, и тот мотоцикл — все они носят фамилию Линь.

— Я тоже вещь в доме, — потирая подбородок, серьёзно предположил Линь Сяобао.

— Ты не вещь... — прикрыл рот рукой Линь Цзао. — Папа хотел сказать...

Впрочем, раз уж об этом зашла речь, когда Фу Чэн был человеком, он действительно был очень добр к нему.

Сердце Линь Цзао немного оттаяло, и он обернулся, чтобы взглянуть на железную дверь.

Но на самом деле...

Фу Чэн, стоя за дверью, смутно припомнил одну сцену.

Он, в майке, закинув ногу на ногу, сидит у входа в мастерскую и греется на солнце. Подъезжает машина, и водитель спрашивает: «Автомастерская Сяо Линь, вы Сяо Линь?»

Он встаёт и отвечает: «Я не Сяо Линь, я муж Сяо Линя, Сяо Линь — моя жена».

Незаметно похвастаться.

— Вот в чём правда.

Истинная причина, по которой Фу Чэн так назвал свою мастерскую.

Но Сяо Цзао, наверное, не знает. И хорошо, что не знает.

Линь Цзао, нарезав редьку, сложил её в миску.

— Пойдём, будем готовить.

— Хорошо.

Линь Сяобао, сделав большой шаг, выбежал вперёд, чтобы расчистить папе дорогу.

— Папа, я тебя защищу!

***

Редька была нарезана, а кости почти оттаяли.

В нынешних условиях варить суп из редьки с отборными рёбрышками было бы слишком расточительно.

Поэтому Линь Цзао решил использовать большие свиные кости, то есть мозговые.

Фу Чэн заранее разрубил кости на несколько частей, но на них ещё оставалось мясо.

Линь Цзао срезал мясо с костей и отложил в сторону.

Кости он положил в холодную воду, добавил раздавленный имбирь и поставил на огонь, чтобы убрать неприятный запах.

Когда вода закипела, он снял пену и вынул кости.

В мозговых костях был костный мозг, и на этом этапе нужно было быть особенно осторожным.

Хотя... на самом деле, не нужно было!

Потому что ни он, ни Сяобао не любили костный мозг — белый, мягкий, как жир.

Его любил только Фу Чэн, но Линь Цзао уже решил, что не даст ему его!

Линь Цзао вылил воду, в которой варились кости, помыл кастрюлю и снова налил чистой воды.

Он снова положил кости в кастрюлю, накрыл крышкой и оставил медленно вариться.

Нужно было варить полчаса, чтобы бульон стал наваристым, а затем добавить белую редьку.

Иначе редька разварится и превратится в кашу.

Тем временем Линь Цзао посолил срезанное с костей мясо, добавил устричный соус и чеснок и оставил мариноваться.

Замаринованное мясо он тоже поставил в пароварку — это будет одно блюдо, а затем быстро обжарил овощи.

В это же самое время...

Пока Линь Цзао готовил обед наверху, Фу Чэн внизу, взобравшись на свою кровать из нержавеющей стали, стоял у окна, положив подбородок на подоконник, и, слегка приподняв голову, внимательно слушал.

За то время, что он провёл в кладовке, когда Сяо Цзао не приходил к нему, ему, зомби, было очень скучно.

И он нашёл новый способ скоротать время —

Подслушивать, что делает Сяо Цзао.

Гостиная и кухня были недалеко, а слух и обоняние у зомби были очень острыми.

Фу Чэн чувствовал запах сырого мяса с кровью, слышал звон кастрюль и сковородок.

Так ароматно, так приятно.

Похоже, сегодня на обед снова будет что-то вкусное.

Он не знал, сердится ли ещё Сяо Цзао, принесёт ли он ему обед.

В крайнем случае, он снова вылезет через дыру в окне и перекусит на улице.

Нет, он не может есть других людей.

На нём будет кровь других людей, и Сяо Цзао будет им брезговать.

Так Фу Чэн и стоял у окна, тихо слушая, как готовит Линь Цзао.

Пока не услышал знакомый звук —

Щёлк — звук открывающейся крышки контейнера для еды.

Глаза Фу Чэна загорелись, и он невольно улыбнулся.

Сяо Цзао не сердится! Сяо Цзао принесёт ему обед!

Сяо Цзао всё ещё о нём помнит!

Сяо Цзао любит его!

Фу Чэн от всего сердца улыбнулся, спрыгнул с кровати и взял чёрную майку, которую Линь Цзао оставил на спинке кровати.

Боясь порвать одежду когтями, он нарочно спрятал их, сжал руки в кулаки и поднял майку.

Нужно надеть одежду, чтобы больше походить на человека.

Он помнил, как Сяо Цзао говорил ему, что нужно быть приличным зомби.

Руки и ноги Фу Чэна были скованными, он не мог контролировать свою силу и боялся порвать одежду.

Поэтому он решил не трогать одежду, а двигаться самому.

Фу Чэн, хрустнув суставами, вывернул руку, просунул её в рукав, надел одежду, а затем вправил сустав обратно.

Вот так.

Когда он оделся, как раз спустился Линь Цзао.

Он не стал открывать дверь, а, наоборот, легонько толкнул её, чтобы убедиться, что она заперта.

Линь Цзао всё ещё немного его боялся.

Затем Линь Цзао взобрался на скамейку и открыл окно.

Фу Чэн, не отрываясь, смотрел на окно.

Но Линь Цзао появился лишь на секунду.

Корзину для еды Фу Чэна Линь Цзао отдал щенку под лежанку и не стал делать новую.

Он просто поставил контейнер с едой и термоконтейнер на подоконник, не спуская их вниз, закрыл окно и ушёл.

Он нарочно сделал холодное лицо, не посмотрел на Фу Чэна, не улыбнулся ему и не сказал ни слова.

Улыбка застыла в глазах Фу Чэна.

Конечно, Сяо Цзао всё ещё на него сердится.

Фу Чэн, тяжело ступая, подошёл к окну, встал на цыпочки, протянул руку и, нащупав, снял контейнер с едой и термоконтейнер.

Он мысленно себя успокаивал.

Ничего, он высокий.

Ничего, это он был слишком груб, Сяо Цзао правильно его наказывает.

По крайней мере, Сяо Цзао не собирается морить его голодом, по крайней мере, у него есть обед, приготовленный с любовью.

Ничего, посмотрим, что вкусного приготовил Сяо Цзао...

Фу Чэн открыл контейнер в форме сердца и увидел, что он доверху набит белым рисом.

Затем он открыл термоконтейнер, и там тоже было всё белое.

Просто бульон из редьки.

Даже редьки не было, ничего.

Фу Чэн, взяв ложку, поболтал ею в бульоне.

Нет, всё-таки что-то есть!

Глаза Фу Чэна загорелись, он оживился.

Два кусочка раздавленного имбиря!

Ещё и в форме сердечек.

Это значит, что Сяо Цзао всё ещё его очень любит.

Фу Чэн осторожно положил имбирь в рот и с наслаждением разжевал.

Вкусно, как любовь Сяо Цзао, — жгучая, сводящая с ума.

Он, взяв контейнер, сел на пол и, закусывая имбирём, принялся есть рис и суп.

Рис такой вкусный, Сяо Цзао его любит.

Суп такой наваристый, Сяо Цзао его любит.

А под рисом —

Съев верхний слой риса, Фу Чэн вдруг обнаружил, что под ним спрятаны мясо и овощи.

Сяо Цзао любит меня, сомнений нет

<http://bllate.org/book/16977/1588324>